

астроли Художественного театра в (иеве запомнились как праздник: юг, тепло, легкий выход на улицу, естест венное множество цветов. В первый раз приехали в 1912-м, в помещении театра Соловцова играли свою недавнюю премьеру – "Живой труп" Льва Толстого, играли "На дне", играли Чехова – "Вишневый сад", "Три сестры", играли "Месяц в деревне". Еще до окончания гастролей состоялась праздничная прогулка по Днепру – "folle journee", как потом вспоминалось Станиславскому. Можно бы найти иллюстрацию: "На пароходе сделано много снимков, в том числе и синемаграфических", сообщала "Киевская мысль". В музее есть кадры кинохроники: в самом деле, весе-

Разглядеть, есть ли на пленке Александр Родионович Артем, не удается. Разумеется, это случайность: в дни гастролей играли и "Вишневый сад", и "Три сестры", и киевляне, наслышанные о спектаклях, подняли бы шум, если бы Фирса и Чебутыкина играл кто-нибудь другой, а не тот, кого они - как вся Россия аочно любили. Провинциальные собиратели геатральных открыток (а кто их тогда не собирал?) знали в лицо всклокоченного подслеповатого старика в распахнутой форменной куртке – доктора Чебутыкина и представляли себе маленькую походку Фирса, его белые нитяные перчатки, фрак, осторожные бережные шажки с подносом и с палкой, неслышное его бормотанье. Знали и другую фотографию – Фирс в низеньком цилиндре, в ливрее с тройным воротником-пелеринкой; зная пьесу, могли гадать: неужели это из последнего акта? старик, которого забывают в заколоченном ломе, оказывается, оделся к предстоявшему отъезду? "Дядю Ваню" в Киев не привозили, но слухом тогда полнилась земля, и все зна ли, как Артем играет кроткого приживала Вафлю, как тот нерешительно говорит красавице Елене, в который раз путающей его имя-от нество – "виноват-с... Не Иван Иваныч, а Илья Ильич-с...", как держит за локоть обезумевше го дядю Ваню, как. не удержав, с плачем выбегает из комнаты в момент его непристойнонервного объяснения с Серебряковым, как тихо бренчит на гитаре в финале, когда Соня говорит об ангелах, о небе в алмазах и о милосердии, в котором когда-нибудь все раствооится без спела На повторные гастроли в Киев старший из

ленов труппы МХТ весною 1914 не поехал. Театр начал представления вечером 17 мая (играли "На всякого мудреца довольно простоты", ролька у Артема тут была крошечная -Григорий, "человек Турусиной", замена не составляла проблемы). Днем вся труппа была на панихиде во Владимирском соборе. Легендарный "полковник" (остававшийся в Москве комендант МХТ фон Фессинг) накануне прислал телеграмму: "Артем скончался сегодня в пятом часу вечера. Похороны восемнадцатого утром в Новодевичьем монастыре, венок".

извещал телеграфом: "Похороны Артема рядом с Савицкой. Отпевали у Георгия на Большой Дмитровке. Было много народа: Адрианов. Модль с женой (это московские городские власти. - И.С.). Все наши теперешние и прежние: Кошеверов, Снегирев и Маныкин и другие. Много венков; лития около театра, на кладбище; очень много молодежи; погода отсын сердечно благодарят театр. Есть несколько телеграмм театру. Немирович-Дан-

Эти телеграммы-соболезнования сегодня лежат в картонной коробке (не слишком наби-

той), в которой уместился музейный фонд Артема. Из Вольска: "В саратовской глуши скортоль. На наших общих совещаниях он выстубим о кончине горячо любимого артиста Артема – поэта, учившего находить вечное в обы-денном. *Богаевские, Вибке*". Из Борисоглеб-ска, от труппы местного театра. Из Праги от Ольги Гзовской: латинскими буквами - русские слова. "Молюсь со всеми вами упокоени светлой чистой души дорогого Александра Родионовича". Еще телеграмма из-за границы соболезнует театру бывший староста статистов, игравших во время зарубежной поездки МХТ в 1906-м. Наверное, староста статистов помнил Артема по спектаклю "Царь Федор Иоаннович", в Германии его Богдан Курюков встал в общем восприятии рядом с первыми лицами спектакля. Еще телеграмма - из ин-

огорчится. Прислал письмо и просил от имени давних учеников возложить венок с надписью "На моилу честного человека" бывший первоклассник IV московской гимназии, офицер Николай Гольдендах (приехать не мог - летние полковые учения. Обратный адрес - "лагерь при сепе Клементьеве"). В этой гимназии Артем точнее, учитель чистописания А.Р.Артемьев, рябоватый, малорослый "смешной учитель", имевший прозвище "Картошка", на уроках ко-

странность: с чего им, в Хеллерау, очень уж

пал довольно часто, и к его мнению все прислушивались, ибо мнение его было всегда талантливо. В качестве режиссера он не высту-Артема любили все. Любили и те, кто был

близок нашему театру. Любил его и Антон Павлович Чехов, который высоко ценил Артема как актера и обожал как человека. Чехов считал, что Артем - выдающийся исполнитель ролей русского репертуара, и неодобрительно относился к его выступлениям в иностранных пьесах. Артем выступал в "Дикой утке" Ибсена. Че-

ков не любил Ибсена. Как-то Антон Павлович гостил в имении моей матери, удил один на реке рыбу. Вдруг он громко расхохотался. Стали его расспрашивать, в чем дело. Чехов, продолжая громко хохотать, сказал: "Послуйте же, не может же Артем играть Ибсена. Я напишу для него пьесу. Он же непременно должен сидеть на берегу реки и удить рыбу". Дружба была обоюдная. Артем был влюб-

лен в Чехова. Они вместе часто проводили время, вместе снимались на общей фотогра-Артем был любимцем публики. За границей

все были им очарованы Умер товарищ, умер большой актер – круп-

лах общих заседаний, которые в Художественном театре велись исправно, трудно найти записи тех выступлений Артема, о талантливости которых вспоминает Станиславский (Но вот под тем, что Артем никогда не опазвал, архивист может проставить свое занудное подтверждение: по дневникам репетиций в списке грешников бывал кто угодно, включая самого КС, но имени Артема тут не

Аура вокруг личности - прелестная, а ничего точно неизвестно. И искусство его, магия его пребывания на сцене - тоже без разгадки. Его талант был очевиден, но вот однажды Немирович-Данченко обмолвился в письме: если бы Артем был актер, а не талантливейший старичишка... Неважно, какие планы Немирович далее прикидывает, - важно, что талант Артема излучался на сцене по иным, не традиционно-актерским законам. Старик просто был сам собою на сцене? Вовсе нет. Что-то другое. В общем, таинственный старик.

Можно потосковать, что старик не дожил ты, ни автобиографии. Как отца звали, - Родион-то Родион, а по батюшке? Мать, кажется, звали Екатериной Степановной. Но ведь это мы с чужих слов, из третьих рук знаем. И в четвертые руки передаем

Лет через десять после кончины артиста

Беседовал Иван Петрович с супругами Молча-новыми. П.И.Молчанову (наверное, правиль-нее выразиться – отцу Павлу, потому что был давний знакомец актера МХТ деревенским священником в этом самом Столпове) помнилось, будто Александр Родионович рос сиротой, родился после того, как его отца забрали в солдаты и тот в солдатах вроде бы умер. Жила мать с ребенком у его дяди в этом самом селе Столпове, а потом Екатерина Степановна уехала в Петербург и была в услужении в доме графа Чернышева, жила там очень долго. Есть и рассказ жены священника (до замужества она тут же в Столпове учительствала). Несколько сбивая фабулу своего сердечного повествования, женщина припоминает, как странно складывались у Алексан

То, что Иван Петрович Перлов назвал со-

бранными им деревенскими воспоминаниями

нашло место все в той нетяжелой коробке.

оворили, что чтец над простыми людьми из-Молчановы то и дело оговариваются: может быть, что-то и не так, как им запомнилось. Вот им кажется, будто мать отдала сына в

дра Родионовича отношения с крестьянами:

те его явно не любили, не принимали. Ей при-

поминается, как он устроил вечер для одно-

ка". В зальце ни разу не рассмеялись: потом

сельчан, читал чеховского "Злоумышленни

"В гимназии у нас в учительской висел портрет государя Николая II его работы". В воспоминаях о постановке "Мещан" Горького, где Артем играл легкодумного и органически счаст ливого старичка-птицелова Перчихина, не оставлял общей характеристики спектакля как самого занудного и скучного из всех виденных им работ MXT. Да и домашний интерьер на Домниковке от варианта к варианту мемуаров порядком бывал скорректирован. В двадцатом году вспоминалось об Артеме так: "До конца жизни жил и умер он в старой своей квартирке на Домниковской улице, во дворе, на втором этаже, с одним деревянным ветхим черным" ходом, со скрипучей лестницей, с маленькими низенькими тремя комнатками, оклеенными дешевыми провинциальными обоями, с умывающимся у порога толстым котом, с цветами на окнах, с тюлевыми занавесками. с вечно шипящим медным самоваром. Такие квартирки занимали в прежней Москве те, кто мог на квартиру тратить в месяц от 15 до 30 рублей – почтовые чиновники, старушки, живущие на пенсию, учителя чистописания. В них пахло пирогами, благо кухня была тут же подле прихожей, куковала кукушка на часах, на столиках, покрытых белыми вязаными скатертями, аккуратно лежали приложения к "Ниве" и стояли пепельницы в виде отрывка газетно-

Надо думать, все так и выглядело. Но поз-

Таинственный старик

гоже с чужих слов – говорит, будто не к резчику попал, а в Академию Художеств - сперва истопником, а потом натурщиком, а потом начал (но не кончил) тут учиться. Когда начал участвовать в любительских спектаклях? Не рассказывал. Профессии художника-поденщика (писал и пейзажики на продажу, и иконы) долго не бросал. В Питере же он в молодых годах женился на белошвейке (в другом чьем-то пересказе — на портнихе). Вместе и прожили всю жизнь. Сын, в котором отец ду-ши не чаял, выбрал профессию врача. Станиславский и Стахович из Киева посылали Андрею Александровичу соболезнования на ад-

рес родителей. Видимо, жили вместе. Жилье на Домниковке своей старозаветностью уже и в начале двадцатого века трогало воображение. Как оазис уюта вспоминает его не только Станиславский, – о том же пишет, например, историк и искусствовед Сергей Николаевич Дурылин. У его мемуаров несколько вариантов, на основании которых в тридцатые годы (к сорокалетию МХТ, например) появлялись и статьи, — мы ссылаемся на рукопись двадцатого года из той же коробочки. Потом Дурылин уже не рисковал писать о своем старом учителе: "Это был человек старой Москвы, ныне уже умершей, - Москвы православной, русской и великорусской" (слово "великорусской" подчеркивая). Не рисковал вспоминать про богомольность. Вымарывал строки:

волено припомнить, что А.Ф.Маркс, а потом его преемники в приложениях к "Ниве" давали и сочинения Ивана Бунина, и сочинения Леонида Андреева, и четырехтомник пьес Ибсена. Не говоря уж о том, что давали Чехова. Не говоря уж о том, что именно на страницах "Нивы" здешний сотрудник Игорь Грабарь готовил вкус подписчиков - этих самых обитателей жилья на Домниковке или интеллигентов духовного звания из села Столпова - к восприя тию художественного разнообразия мира.

Для Сергея Дурылина в двадцатом году (и как его не понять) мотив беззащитной, изгоняемой из родного угла бедной самобытности явно был важнее иных. Да и эстетические пристрастия заставляли его видеть Художественный театр и жизнь в нем Артема под углом острым. Дурылин ощущает своего любимца едва ли не чужаком в здешней компании: ну что Артему Ибсен, ну что Артему Матерлинк, ну что Артему весь этот излом и модерн. Ему бы с его Домниковки не в Камергерский каждый день

ездить, а на исконную Театральную площадь. Не у Дурылина, но с его подачи кто-то из писавших об Артеме уверял, будто его после роли Счастливцева в Малый театр на освобошееся со смертью Шумского места приглашала Ермолова. Дело не в том, чтобы опровергнуть этот анекдот – анекдоты никогда еще никому не удавалось опровергнуть фактическими справками, сопоставлениями дат, или - как в данном случае - ссылками на то,

функций хозяйки, формирующей труппу, никогда не позволяла себе кого бы то ни было звать в Малый. Как пересказывались, так и будут пересказываться (переходя в учебники) забавные случаи – как Артем умолил освобо дить его от ролей в "Синей птице", как испуанно шарахнулся от режиссера, который в "Жизни Человека" Леонида Андреева объяснял ему насчет того, что тут надобно утратить объем и вписываться в плоскость. Так же трудно что-либо возразить, когда пересказываются анекдоты про его патриотическое домоседство - по воспоминаниям приятелей-актеров даже поездка в Ялту Артема измаяла, а после возвращения с заграничных гастролей пошли байки, как наш старик отказывался в Берлине стричься (ни волоска им не оставлю своего!) и как обнимался с самоваром, когда увидал его на столе в Праге. Интересно было бы уточнить, в какой мере

что уж Ермолова-то никогда не брала на себя

такого рода байки сдвигают и стилизуют артистическую фигуру. Еще интересней понять, что это за артистическая фигура, и что за личность, которая с такой мягкостью, с такой органикой и, кажется, с таким потаенным лукавством позволяет витать вокруг себя рассказцам, прозвищам, анекдотам, тайну-то таланта скорей затеняющим, а не высвечивающим Самое же увлекательное - попробовать рас-смотреть опыт Художественного театра как опыт объединения этой самой Домниковки с наступающим трагическим веком. Или иначеопыт рассмотрения того, как осуществляет себя в бесконечных исторических вариациях русский национальный характер.

Кажется, он был рожден, чтобы воплотить на сцене Акакия Акакиевича или Макара Девушкина, поэзию и муку долготерпения, драму униженности. - И да, и нет

В вечер открытия МХТ Артем играл в "Царе Федоре Иоанновиче" столетнего Богдана Курюкова. В тогдашней несокращенной редак ции Курюков появлялся в двух сценах: среди выборных людей в царской палате, когда он и со стариковской словоохотливостью, и с эпическим спокойствием отвечал на вопросы Федора о том, чего на веку навидался, каких битв и каких казней бывал свидетелем: а потом - в народной сцене "На Яузе". Здесь столетний Курюков и погибал не стариковской смертью, - рыцарской: защищал того, кого по старине считал вождем, наносил удары и принимал удар. "Шуйские! -- Господи, прийми мою

Критик С.Васильев, умный наблюдатель, предположил, что в спектакле этот старик задуман, по-видимому, как "народная параллель князю Ивану Шуйскому". Ставя спектакль, в Художественном театре в самом деле сознательно и бессознательно искали систему нравственных "внутренних рифм", сходств, узнаваний, откликов; "Царь Федор Иоаннович вырисовывался как спектакль русской жизни, как спектакль русского национального характера в его множественности, как спектакль предельно реального - исторического и житейского – столкновения ипостасей этого характера (Д.С. Лихачев заметил как-то, что о национальном характере странно говорить в единственном числе - естественней говорить во множественном, или во всяком случае в двойственном числе). Можно взглянуть и шире: тогда вся чреда спектаклей и ролей на сцене МХТ раскроется как панорама взаимодействия ипостасей национального характера, как движение исторических вариаций его. Во всяком случае, в ролях Артема такую панораму откроешь с естественностью.

Список ролей, конечно, имеется. Как он иг-

рал? Понять бы

Архив тут не в помощь: почти ничего нет. Есть только тетрадка с ролью Фирса. Пометок мало. Даже странно, что у учителя чистописания, так мило украшавшего тетради своих первоклашек росчерками, птичками и другими каллиграфическими забавами (кто-то их сохранял, потом подарил музею), для личного употребления был такой неразборчивый почерк и скверный карандаш. Что вписано? В первом акте: "оставляет коробку" (видимо, из багажа Раневской). "Перчатки нитяные белые". После слов его про то, что барыня из Парижа приехала, - "смеется". "Дождался!" - "радостно смеется". После реплики Фирса насчет того, что Симеонов-Пищик полведра огурцов скушал, дописан текст, который Фирс будет бормотать себе под нос неслышно: "Такой аппетит Бог дал. Что же? На здоровье". И в некоторых других местах, после окончания реплики вписано: "далее бормотание". В третьем акте дописано, что сидит и оглядывается на танцующих. В последнем монологе проставлены какие-то значки, разделяющие слова и движения: "Заперто! Забыли. Посижу... (Озабоченно вздыхает)". Еще приписка: "долго бормочет что-то, сначала громко, потом осла-

В архивной коробке есть альбом, в свое время составленный директором музея, старым русским писателем Н.Д.Телешовым. Здесь вклеен сделанный А.Мовшенсоном перевод отрывка из статьи Гордона Крэга — до сих пор, кажется, его на русском языке не публиковали. Переведен текст из журнала "Drama", номер VII-IX, 1937. Можно подсчитать, в каких ролях в свои наезды в Москву мог Крэг видеть Артема: несомненно, видел в "Дяде Ване", должен был видеть Фирсом, Че бутыкиным; мог видеть, пожалуй, и курьером-

а в программку пришлось внести) или купцом-жулябией Абдулиным в "Ревизоре" ("Ревизора" Крэг пылко сватал для задуманных и несо-стоявшихся гастролей МХТ в Англии). Впронем, крэговский лирико-теоретический набросок чуждается конкретизации "по ролям". "В Московском Художественном театре был один прирожденный актер: его имя было Ар тем. [...] Я кое-что расскажу вам о нем. [...] Артем непрестанно искрился шутливостью, которая победоносно пробивалась сквозь то что казалось непонятной грустью: и это свер кание и составляло его "игру". У него был чу десный голосок, переливающийся то как флейта, то как грошовая свистулька, - достаточно натурально, но с бесчисленными интонациями, которые были много больше, чем

крошечная ролька в "Живом трупе", пожалуй,

и старым слугой в "Горе от ума" (в перечне

действующих лиц у Грибоедова Петрушки нет

только натуральными. Его лицо аккомпанировало его голосу, постоянно меняя выражение, не как у обезьяны, оттого что это был ставший доступным зрению человеческий дух, и его движения были немногочисленны. Никто не мог сказать, что он переряжался так, чтоб его могли принять за другого человека, - он был всеми людьми в собственном своем лице. гак что здесь не было нужды в том переряжи зании, которое так любят второстепенные ак Все, что он старался сделать, состояло в

том, чтобы выразить себя через мысли и сло ва Чехова, которые он умел так хорошо пони мать. Делал он это с превосходным успехом. Его появления - его речь - его мимическая иг ра и его уходы были подобны единой музь кальной кантилене или, как кто-то сказал подобны поэме". Да, это были поэмы или, точ нее, маленькие стихотворения из одного не большого цикла. Он сам был этим циклом; все что ему надлежало сделать (а это все было лелом жизни) состояло в том чтобы войти и уйти, говорить и молчать – бормотать и щебе гать – улыбаться и немного смеяться. Потом прекращать речь, улыбку, смех – и все. Опят возобновив их, он мог продолжать смеяться немного больше, немного двигаться, произно сить одно или два едва слышные слова, быть может, одно слово, лучше слышимое, – пово рачиваться, чтобы взглянуть и еще раз посмотреть. - и потом опять.

Какой образ он изображал в этой пьесе – а какой в той? "О...", а потом "действительно" казалось говорит он, – и "потом" – извиняющаяся легкая улыбка в сторону, его глаза искоса взглядывали снизу вверх: и "так значит вы..." вы заметили маленькую катастрофу?. "Как? Вы здесь? – я вижу вас"... Все, что он казалось - говорил, казалось составленным из сотни таких полуоформленных мыслей фраз, за которыми следовал тусклый писк мерцание его глаз. И, однако, все закончено Все настолько умно, насколько только може быть умно - вопросы и извиняющиеся ответы, говорившие что-то хорошее и молодое. Этостарик Артем (он в течение многих лет был школьным учителем) так хорошо сохранил в себе молодое сердце, оставив его на службе своему искусству, что он никогда не был меньше, чем натурален с момента своего выхода на сцену до самого ухода с нее, - если быть натуральным означает перестать играть, а

"Совершенный актер" – говорили те, кто был в состоянии разглядеть; остальные же ни чего не говорили и ничего не видели. И не может быть большего подвига для актера, чем быть в состоянии упредить некоторое количе ство дураков, смотрящих или слушающих его.

Быть может, этот прирожденный актер не мог играть Гамлета или Макбета; но я думаю, что он мог бы прочесть нам обе эти пьесы лучше, чем кто-либо другой в России. Он был всем тем, чем все русские актеры в настоящее время пытаются быть - и все же ни один из них никогда не будет тем, чем был он.

Я недавно видел замечательного еврейского актера. Заметьте: не русского, а еврейско своего коллектива (мы называем это труппой), состоявшего как бы из единого куска. Артем умер, и только Михоэлс и его коллектив могут заполнить его место оттого, что так же как игра Артема была песней, так и их игра тоже песня. Мелодия Артема была старой русской темой, а у Михоэлса и его труппы тема еврейская. Артем стремился к меньшему, Михоэлс стремится к большему. Артем был менее "театрален" (я вкладываю на этот раз в слово "театральный" его более дешевое знанение). Михоэлс более театрален (вкладывая в это слово самое блистательное значение, какое может существовать в мире) Разве не стоило прочитать? Разве не любо-

В жизни и ролях – "Дядя Ваня" и "Три

торого выпускали полетать воробья или под кидывали мышонка - дослуживал свой срок до полной пенсии уже после открытия МХТ, уже играя и в "Царе Федоре", и в пьесах Чехова. В эту гимназию в 1875 году поступил Костя Алексеев, но сразу во второй класс, и Александру Родионовичу не довелось учить

ев тогда еще и не служил там, – сведений нет. Первое интервью по поводу утраты успели взять киевские репортеры. В "Киевской мысли" от 17 мая прошла беседа с КС. Она с тех

его выводить палочки. А может быть, Артемь-

Тяжело говорить о смерти близкого человека, но еще тяжелее – о таком обаятельном, светлом друге, каким был для всех нас Александр Родионович Артем... Перед отъездом в Киев я зашел к больному товарищу попрощаться. Увы, я простился с ним навеки! Артем заволновался; задыхаясь, он все же стал говорить о нашей поездке. "Как же этот так? Вы уезжаете, будете работать, а я здесь ничего не буду делать...". Я всячески его успокаивал, обнадеживал, но он печально проводил меня, как бы говоря, что вряд ли нам придется еще встретиться. И не придется! Судьба так устроила, что и проводить его в могилу - место вечного отдыха и успокоения - не вся осиротев-

Кого мы потеряли? Трудно ответить на этот вопрос, в особенности мне, двадцать пять лет прослужившему вместе с Артемом одному общему любимому делу. Где кончался у Артема большой актер-художник и где начинался обаятельный человек с чисто детской душой, распространявший вокруг себя атмосферу необыкновенной мягкости, ласки, любви, - это невозможно определить.

Артем -- не только артист в буквальном смысле этого слова, а редкая художественная индивидуальность, которые рождаются единицами. Конечно, его роли будут играть другие артисты, будут играть хорошо, может быть, даже прекрасно, но так играть, как Арникто не будет, ибо творчество его полно оригинальности: необыкновенная выпуклость. красочность, соединенная с лиризмом... Комизм Артема, выливавшийся в жесте, мимике, не был груб, сух, а сдабривался чертами, ему одному свойственными, претворяясь в истинно-художественное творчество.

Артем - это олицетворение скромности, как и на сцене. Покойный жил всегда в нескольких комнатах, скромно обставленных, но полных уюта и той прелести, которая была всюду, где был он. На сцене же скромность Артекогда сам не выдвигал себя, но наоборот иленно старался уходить на второй план. К себе он относился очень недоверчиво, не верил в себя, старался видеть в себе недо-Немирович-Данченко выехал срочно, 18-го статки там, где их не было. Особенно недоверчиво стал он относиться к себе в последние годы, когда физические силы его стали ослабевать. Он хандрил, говорил, что плохо играет. И его приходилось ободрять, рассеивать печальные мысли. Артем любил ласку, тепло... и ему их старались давать. Недаром его все в театре называли папашей.

Артем любил театр... Мало сказать любил: личная; не расходились часа два. Вся толпа он обожал его. Для него театр был церковью. трогательно пропела вечную память. Вдова и к которой он благоговейно относился, где он молился. К своей работе он относился с болезненной аккуратностью. 25 лет прослужил я с ним вместе и не помню ни одного случая какого-нибудь уклонения от исполнения своего долга: никогда он не опаздывал на репетиции, никогда не являлся, не зная роли, никогда он не уклонялся от работы, которая на него возпагалась

> Артем относился ревниво к своему делу. Он очень не любил, когда назначали для ролей, которые он играл, дублеров. Ему все каза

ая художественная индивидуальность.

Инна СОЛОВЬЕВА

Умер обаятельный человек И нам, осиротевшим, остается только плакать о незаменимой потере"

Артема в самом деле любили. И фотография с Чеховым в самом деле существует. И насчет 25 лет общей работы Станиславский не оговорился, хотя Художественный театр едва успел отметить пятнадцатилетие своего уществования: они с Артемом встретились ак партнеры в 1887 году, еще до создания не олько МХТ, но и Общества искусства и литературы. Играли в Музыкально-драматическом кружке "Майоршу" Шпажинского (Артем – стаого мужа "майорши", КС – мужа ее сестры, ее обовника и ее убийцу); играли в "Лесе" - КС Несчастливцева, Артем Счастливцева. Так нто их безмятежному, незамутненному согудничеству насчитывалось даже не 25, а 27

Но нет ни писем Артема к Чехову (или Чехова – к Артему), ни писем Артема к Станислав-скому, ни писем Артема к Немировичу-Дан-ченко (или их писем к нему). До странности, до загадочности полное отсутствие того, что можно назвать "личными бумагами" в музейном фонде. То есть ни единой бумажки! Прямо-таки ни единой! Как на кинопленке не найдешь, так и тут - неуловим. Уж кто, кажется, весь как на ладонке, - и на тебе. И в протокосведения о покойном начал собирать некий милый человек, по фамилии Перлов, по имени Иван Петрович. О том, что ведет поиски, он исал в музей МХАТ из Зарайска, где, по-видимому, постоянно жил.

Впрочем, еще до обращения Ивана Петровича на адрес Художественного театра 18 февраля 1924 года пошла бумага:

"Рязанское управление по делам музеев и

охране памятников искусства и старины "Губмузей", обращая ваше внимание на необходимость принять срочные меры по ремонту и охране домика-музея покойного артиста Московского Художественного театра Артема при с Столпово Зарайского уезда Рязанской губ. (домик размером 6х6 аршин), просит уведомить, не может ли Губмузей рассчитывать на посильную помощь со стороны Художественного театра на поддержание и охрану упомянутого выше памятника". Следуют подписи замзава губмузея и секретаря. На обороте краткие наметки ответа. Видимо, попросили прислать фотографию. Фотография имеется: домик в одно оконце, как только в нем летовали Александр Родионович с женою. Разумеется, актер и пайщик МХТ мог бы позволить себе отдыхать иначе. Можно повторить слова Станиславского про скромность, доходящую до странности. А можно допустить и ту простую мысль, что Артем свой домик любил и в

№1 (313), 11 - 18 января 1996 года

№1 (313), 11 - 18 января 1996 года